Эпизодъ изъ временъ крѣпостнаго права.

(Изъ мемуаровъ помѣщика Т—ской губерніи).

Недавно я посѣтилъ одну старинную барскую усадьбу Т—ской губерніи. Благодаря любезности владѣльцевъ имѣнія, осмотру моему была предоставлена обширная библіотека, книги которой въ настоящее время уже составляютъ библіографическую рѣдкость. Много я тамъ встрѣтилъ любопытнаго въ области сѣдой старины; но болѣе всего меня заинтересовалъ семейный архивъ. Тамъ также я нашелъ много интересныхъ документовъ, относящихся къ разнымъ эпохамъ: отъ 1812 года до 1877 и 78 гг. Но на одно письмо я обратилъ особенное вниманіе. Въ немъ разсказывалось о прискорбномъ инцидентѣ, бывшемъ съ извѣстной богачкой, помѣщицей Маріей Алексѣевной Х—вой. Въ 40-хъ годахъ эта особа занимала видное мѣсто среди помѣщиковъ А—скаго уѣзда. Х—ва была старая дѣва, 45 лѣтъ отъ роду, высокая, плотная, съ жиденькими русыми волосами, одутлыми щеками и маленькимъ ртомъ, съ тонкими губами. Марья Алексѣевна отличалась своей строгостью съ крѣпостными, строгостью, доходившей до жестокости. Всего больше доставалось отъ нея многочисленной дворнѣ. За малѣйшій проступокъ, не взирая на полъ и возрастъ виновнаго, его раскладывали предъ парадньмъ крыльцомъ и истязали самымъ жестокимъ образомъ. Сначала били отъ затылка по спинѣ и до пятокъ, потомъ перевертывали грудью кверху и производили то же самое — отъ горла до ступени. При истязаніи всегда присутствовала сама Х—ва. Бывали и такіе случаи, что жертву клали на бокъ, сначала одинъ, потомъ па другой и сѣкли. Такимъ образомъ у истязуемаго не оставалось уже ни одной части не изсѣченной. Барышня Марья Алексѣевна, всегда присутствовавшая при подобныхъ экзекуціяхъ, прекращала ихъ лишь тогда, когда жертва уже переставала не только кричать, но даже стонать. Долго терпѣли крѣпостные Х—вой этотъ страшный лютый гнетъ помѣщицы; наконецъ

*

терпѣніе дворовыхъ, которые болѣе крестьянъ подвергались пыткамъ,— лопнуло, и произошелъ, какъ я сказалъ выше, самый прискорбный инцидентъ. Одинъ разъ въ маѣ мѣсяцѣ 1842 года Х—ва отправилась въ гости верстъ за 30 къ сосѣдямъ. Для этого, разумѣется, была запряжена коляска четверкой лошадей, которыми правилъ молодой парень-кучеръ, Антипъ Осиповъ; около него на козлахъ помѣстился лакей, Тихонъ Ивановъ, также молодой парень, въ коляску сѣли барышня, Марья Алексѣевна и ея горничная, Марѳа Петровна или, какъ Х—ва называла ее, „Марѳутка", несмотря на то, что въ эту эпоху Марѳуткѣ было уже за 50 лѣтъ. Кстати замѣтимъ, что па обязанности послѣдней лежало поить барышню Марью Алексѣевну квасомъ, который имѣлся всегда въ бутылкѣ, засунутой въ карманъ дверцы. Если Марѳа Петрова не скоро исполняла эту процедуру наливанія кваса въ стаканъ, барышня Марья Алексѣевна тутъ же своеручно награждала ее пощечинами. Такимъ образомъ, въ сказанный день коляска помѣщицы выѣхала изъ усадьбы. Нѣкоторое время экипажъ катился среди полей, потомъ въѣхалъ въ березовую рощу, роща эта была очень густая. Проѣхавъ версты $1^1/_2$, Антипъ Осиповъ вдругъ остановилъ лошадей.

— Это что значитъ? грозно вскричала барышня.

— А вотъ сама увидишь, что значитъ... дерзко отвѣчалъ лакей, спрыгивая съ козелъ.

— А ножикъ-то у тебя есть? обратился къ послѣднему кучеръ.

— Есть. У меня въ карманѣ лежитъ, складной, отвѣчалъ Тихонъ.

Дѣвица Х—ва, слыша эти рѣчи, обмерла отъ ужаса. Она вообразила, что ее хотятъ зарѣзать. Однако вышло совсѣмъ иное, именно то, чего ужъ никакъ не могла ожидать строгая помѣщица. Лакей Тихонъ Ивановъ досталъ изъ кармана складной ножъ и направилъ свои шаги къ развѣсистымъ березамъ. Выбравъ самыя длинныя вѣтви, онъ нарѣзалъ нѣсколько пучковъ розогъ, которыя тщательно связалъ лычками, очистивъ розги отъ листьевъ, потомъ подошелъ къ коляскѣ и обратился къ Х—вой съ такой рѣчью:

— Ну, матушка-барышня, выходи на расправу! долго мы терпѣли твою лютость, пора и тебѣ отвѣдать березовой каши.

Х—ва, разумѣется, не трогалась съ мѣста. У нея отъ страха языкъ отнялся. „Слѣзай, Антипъ", обратился лакей къ кучеру, „лошади будутъ стоять смирно, а то такъ вотъ привяжемъ коренниковъ къ березѣ"...

— Зачѣмъ? лошади и такъ не тронутся съ мѣста, отвѣчалъ Антипъ, спрыгивая на землю. Такимъ образомъ злосчастную барышню Марію Алексѣевну кучеръ и лакей вытащили изъ коляски

и разложили посреди луга. Тихонъ Ивановъ весь робронтъ и юбки X—вой завернулъ ей подъ голову, обнажилъ, сѣлъ на грудь, и сѣченіе началось. Его производилъ кучеръ Антипъ Осиповъ. При первыхъ ударахъ барышня завизжала на весь лѣсъ и стала дрыгать ногами.

— Да не дрыгай ногами-то, чортъ тебя забери, говорилъ Антипъ Осиповъ, придерживая лѣвой рукой ноги барышни, а правой нанося ей розгами удары по обнаженному тѣлу.

Сѣченіе продолжалось долго. Марья Алексѣевна кричала все громче и громче. Наконецъ крики ея стали слабѣе и затѣмъ совсѣмъ уже стихли.

— Будетъ, провалиться ей, смѣясь, сказалъ кучеръ; я ужъ и руку всю отмахалъ, смѣясь, говорилъ Антипъ.

Лакей освободилъ свою жертву, оправилъ насколько возможно ея туалетъ и полуживую „барышню" X—ву уложили въ коляску. Экипажъ, разумѣется, повернулъ обратно въ усадьбу. Такое неожиданное возвращеніе помѣщицы привело въ великое недоумѣніе дворню. Всѣ шопотомъ спрашивали другъ друга, что это значитъ.

— Барышнѣ маленько не поздоровилось, смѣясь, говорилъ Тихонъ Ивановъ: несите ее на постель...

Горничныя бросились къ коляскѣ, вынули оттуда полуживую X—ву, отнесли ее въ спальню и положили на постель. Не болѣе, какъ черезъ четверть часа барышня слабымъ голосомъ отдала приказаніе тотчасъ же позвать къ ней старосту Егора Самсонова. Приказаніе это помѣщицы, само собой разумѣется, тотчасъ же было исполнено, и староста Егоръ Самсоновъ вошелъ въ спальню барышни.

— Тотчасъ же заковать Тишку и Антипку и завтра рано утромъ отправить ихъ со стариками въ Т., гдѣ сдать въ солдаты въ счетъ будущихъ наборовъ.

— Слушаюсь, почтительно отвѣчалъ староста: приказаніе вашей милости будетъ исполнено.

Между тѣмъ герои этого происшествія—лакей Тихонъ Ивановъ и кучеръ Антипъ Осиповъ уже пришли въ застольную, гдѣ мало-помалу стала собираться многочисленная дворня: садовники, разные мастера, лакеи, повара, конюхи, кружевницы и прочій людъ. Когда застольная уже достаточно была наполнена домочадцами, лакей Тихонъ Ивановъ, какъ видно было, большой балагуръ и остроумникъ, повелъ къ присутствующимъ такую рѣчь:

— Вы, православные, на себѣ испытали всю лютость нашей помѣщицы барышни Марьи Алексѣевны X—вой, а потому вы должны понять, что мой съ кучеромъ поступокъ съ ней вполнѣ законный.

Дѣло въ томъ, что сегодня часу въ 1-мъ утра, въ березовой рощѣ, близъ села Масалова мы отодрали Марію Алексѣевну, какъ говорится, на всѣ корки. Простите, православные, прибавилъ Тихонъ, терпѣнью нашему пришелъ конецъ. Я и мой товарищъ Антипъ не думаемъ отрицать совершившагося и готовы принять наказаніе: Сибирь такъ Сибирь!

Всѣ съ нѣмымъ ужасомъ слушали эту рѣчь лакея. Въ это время въ застольную отворилась дверь, и вошелъ староста Егоръ Самсоновъ въ сопровожденіи двухъ крестьянъ Забродина и Пехтерева. Выраженіе лица старосты было какое-то неопредѣленое: не то грусть выражало его лицо, не то ироническую улыбку: увидавъ старосту съ кандалами въ рукахъ, Тихонъ Ивановъ вскричалъ:

— Что, Самсонъ, знать, велѣла отправить насъ въ губернскій острогъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ, продолжая грустно улыбаться, Егоръ Самсоновъ:—приказала на зарѣ отправить васъ въ Т. и сдать въ солдаты въ зачетъ будущихъ наборовъ.

— Ай, радостно вскричалъ Тихонъ Ивановъ: первый сортъ. Стало быть, матушка барышня даетъ намъ вольную. Что же, будемъ служить царю-батюшкѣ, все же не хуже, чѣмъ рабствовать помѣщицѣ X—вой. Куй, милый человѣкъ, продолжалъ Тихонъ Ивановъ, засучивая шаравары и протягивая ноги.

Оба парня были закованы въ желѣзо.

— А что, Егоръ Самсонычъ, не унимался Тихонъ Ивановъ, надо бы на радостяхъ-то пропустить по маленькой.

— Ну, парень, на этотъ счетъ ты не взыщи, отвѣчалъ староста: на вино ничего не дала.

— Эхъ, куда ни шло, у меня завелся билетикъ,—балагурилъ Тихонъ Ивановъ: слетай, миляга, въ кабакъ, обратился онъ къ казачку Алексѣю, купи штофикъ зелена вина.

— Это уже дѣло твое,—сказалъ староста и вышелъ изъ застольной.

Вскорѣ казачекъ Алеша принесъ вино, и попойка началась. Откуда-то явилась гармоника, на которой очень искусно Гаврило-садовникъ наигрывалъ „барыню“ и „плясовую“. Балагуръ и острякъ Тихонъ Ивановъ, приподнявъ желѣзо пояснымъ ремнемъ, ударился въ плясъ. Многіе изъ присутствовавшихъ запѣли пѣсню. Въ это самое время въ застольную вошла горничная Марѳа Петрова.

— Что вы черти!.. вскричала она: такой садомъ подняли, аль очумѣли? Помилуй Богъ, еще услышитъ барышня, намъ всѣмъ не миновать бѣды.

Но горничную никто не хотѣлъ слушать; пляска и пѣніе про-

должались. Угрюмый кучеръ Антипъ Осиповъ также развеселился, припѣвая

„ходи изба, ходи печь, хозяину негдѣ лечь“

Самъ музыкантъ заигралъ барыню: „Ахъ барыня, барыня, сударыня барыня, по печкѣ елозила и т. д.“. Оргія продолжалась до самаго разсвѣта, когда пріѣхали подводы и вошли старики, назначенные въ проводники и сдатчики. На одну изъ подводъ сѣлъ лакей Тихонъ Ивановъ, рядомъ съ нимъ помѣстился сдатчикъ, а на другую подводу посадили Антипа Осипова также съ проводникомъ. На этотъ разъ не было воя и плача, всѣ дворовые точно на праздникъ провожали рекрутъ. Никто изъ дворовыхъ не печалился, что лакей и кучеръ будутъ отданы въ солдаты на 25 лѣтъ. Каждый изъ провожавшихъ въ душѣ былъ убѣжденъ, что военная служба не въ примѣръ лучше ярма крѣпостничества. Обѣ подводы затрусили мелкой рысью по пыльной дорогѣ, лежащей по Т—скому тракту, и на другой день рано утромъ были уже на постояломъ дворѣ губернскаго города Т., отстоявшаго отъ селенія помѣщицы Х—вой въ 60 верстахъ. Часу въ 9-мъ утра сдатчики повезли рекрутъ въ палату. Тамъ дальнѣйшая процедура была неособенно сложная. Тихона Иванова и Антипа Осипова въ пріемной комнатѣ раздѣли до-нага, сняли съ нихъ желѣзо и, сдавъ инвалидному унтеръ-офицеру, остались въ первой комнатѣ. Рекрутъ къ сдачѣ было весьма мало, а потому пріемъ Тихона Иванова и Антипа Осипова, молодыхъ, здоровыхъ парней, совершился весьма быстро. Когда раздался роковой крикъ: „лобъ!“ Тихонъ Ивановъ обратился къ доктору, осматривавшему его, и другимъ чиновникамъ съ заявленіемъ, что онъ Тихонъ Ивановъ и его товарищъ кучеръ Антипъ Осиповъ сданы въ солдаты за то, что они больно высѣкли свою помѣщицу, дѣвицу Марью Алексѣевну Х—ву. Докторъ и чиновники, хотя и весьма многозначительно улыбнулись, выслушавъ это заявленіе Тихона Иванова, но отвѣчали ему, что это къ дѣлу не относится. Обоимъ принятымъ парнямъ въ первой комнатѣ забрили лбы, и они были отправлены въ общую партію рекрутъ. Хотя докторъ и присутствовавшіе чиновники и замѣтили Тихону Иванову, что его заявленіе къ дѣлу не относится, но тѣмъ не менѣе вѣсть о сѣкуціи богатой помѣщицы Х—вой быстро распространилась по городу. Вѣсть эту разнесли главнымъ образомъ чиновницы: жена доктора по секрету сообщила о ней женѣ стряпчаго, послѣдняя въ свою очередь сообщила по секрету исправничихѣ и, какъ выразился Гоголь, „пошла писать губернія“. Къ вечеру уже весь городъ зналъ всѣ подробности этой исторіи съ Х—вой. Почтеннѣйшая дѣвица Марья Алексѣевна не ожидала, чтобы ея крѣпостные осмѣлились

разсказать въ ректурскомъ присутствіи о печальномъ инцидентѣ въ березовой рощѣ. Она до послѣдней крайности хотѣла скрыть исторію этого позорнаго инцидента. Крѣпилась, сколько могла, врачевала спину домашними средствами, но ничего не помогло. Спина стала гнить. Волей неволей пришлось обратиться къ помощи врача. Въ то время въ А—скомъ уѣздѣ былъ лекаремъ нѣкто Д—скій. Призванный къ дѣвицѣ Х—вой и осмотрѣвъ ея спину, врачъ прописалъ ей лѣкарство и уѣхалъ обратно въ городъ. Само собой разумѣется, Д—скій узналъ и причину болѣзни барышни Х—вой. Отъ природы онъ былъ большой весельчакъ и говорунъ. На другой день, бывшій на вечерѣ у судьи лекарь Д—скій очень остроумно съ многими прибавленіями разсказалъ, какъ крѣпостные люди: лакей и кучеръ, „отдѣлали“ строгую помѣщицу Марью Алексѣевну Х—ву. Въ это время у судьи было многочисленное общество, кавалеровъ и дамъ. Всѣ съ большимъ любопытствомъ слушали разсказъ уѣзднаго лекаря. Конечно не обошлось дѣло безъ комментаріевъ и самыхъ нелѣпыхъ прибавленій. Изъ прочтеннаго мною письма я узналъ, что помѣщица Х—ва, послѣ случившаго съ нею инцидента въ березовой рощѣ и вылечивъ спину, уѣхала на жительство въ Москву въ собственный домъ на Остоженку. Тамъ, какъ гласитъ повѣствователь, дѣвица Марья Алексѣевна не могла уже производить экзекуцію передъ параднымъ крыльцомъ, какъ она дѣлала это въ своемъ имѣніи, такъ какъ парадный подъѣздъ дома выходилъ на улицу; виновныхъ барышня приказывала растягивать при дѣвичьемъ крыльцѣ. Такіе порядки или, правильнѣе сказать, звѣрства существовали еще 19 лѣтъ до 1861 г.

Н. П.